

Научная статья
УДК 008(519.5)
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.4.27>

Символико-семантическая сущность корейской традиционной образности

Анна Александровна Дудинова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
Summeringerale@gmail.com

Аннотация. В статье проводится философский анализ влияния культурной динамики на трансформации смыслового содержания корейской традиционной образности. Через призму типологии культур А.Я. Флиера, который разделял культуры на 4 вида: доклассическая, классическая, неклассическая и пост-неклассическая культуры – рассматриваются основные этапы развития корейской культуры и их характерные черты, а также причины, обусловившие переход от этапа к этапу. Автор определяет магистральные векторы развития корейской культуры. Описывается, каким образом культурная динамика повлияла на специфику традиционной корейской образности. Определяются основные характеристики традиционной корейской образности. Делается вывод о том, что полисеманτικότητα и художественно-религиозная сущность традиционной корейской образности способствуют встраиванию в современность традиционных образов и делают тексты культуры, содержащие в себе традиционный компонент, более доступными для реципиента, принадлежащего к иной культурной традиции.

Ключевые слова: корейский язык, корейская культура, корейская поэзия, культурная динамика, образы, традиция, новация.

Для цитирования: Дудинова А.А. Символико-семантическая сущность корейской традиционной образности // Общество: философия, история, культура. 2022. № 4. С. 169–174. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.4.27>.

Original article

Specific features of symbolism and semantics of traditional Korean images

Anna A. Dudinova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
Summeringerale@gmail.com

Abstract. The author provides a philosophical analysis of cultural dynamics impact on transformation of symbolic meaning of traditional Korean images. Having a typology of culture, developed by A. Ya. Flier (pre-classical, classical, nonclassical and post-nonclassical culture) as a reference, the author analyses the main stages in the development of Korean culture and their unique features, as well as the reasons for the transition from period to period. Moreover, the main vectors of development of Korean cultures are studied. It is described, how cultural dynamics influenced the specifics of traditional Korean images. The main characteristics of traditional Korean images are determined. It is concluded that the polysemantic nature as well as artistic and religious essence of traditional Korean imagery provide integration of traditional images into modernity and make cultural texts containing a traditional component more accessible to a recipient from a different cultural tradition.

Keywords: Korean language, Korean culture, Korean poetry, cultural dynamics, images, tradition, innovation

For citation: Dudinova, A.A. (2022) Specific features of symbolism and semantics of traditional Korean images. *Society: Philosophy, History, Culture*. (4), 169–174. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.4.27](https://doi.org/10.24158/fik.2022.4.27) (In Russian).

Изучение традиционных образных систем представляется актуальным с точки зрения поиска оснований диалога между Востоком и Западом. От понимания смыслов, заложенных в образно-символическом языке, зависит успешность этого диалога. Адекватная рецепция и интерпретация текстов культуры, содержащих в себе традиционный компонент, способствует решению проблемы межкультурной коммуникации, а также преодолению культурной дистанции. Кроме того, исследование специфики функционирования традиционной образности в классических и современных текстах культуры вносит весомый вклад в изучение механизмов встраивания традиционной культуры в современность.

Образно-символический язык проявляется во всех сферах культуры, связанных с семиотическими системами, транслирует мировоззренческие и аксеологические установки, находит от-

ражение в языковой картине мира носителей культурной традиции и является неотъемлемой частью «культурного кода» как многоуровневой развивающейся системы, позволяющей интерпретировать заложенные в текстах культуры смыслы. У. Эко отмечает, что именно коды, лежащие в основе человеческой коммуникации, межкультурной коммуникации, позволяют осуществлять процессы означения и интерпретации (Есо, 1976).

Символический образ обладает способностью хранить в зашифрованном виде не только отдельные смыслы, но и целые тексты, выступая в качестве механизма памяти культуры и обеспечивая ее целостность. Изучение символического образа, его структуры позволяет проследить развитие культуры в диахронии, поскольку символ не принадлежит изолированному, синхронному срезу культуры, но выступает в качестве средства интеграции разных срезов, пронизывая всю ее историческую вертикаль (Лотман, 1992: 191–200).

Многообразие плана содержания символического образа обусловлено спецификой динамического развития культурной традиции, в рамках которой развивалась образная система. М.Ю. Лотман, в частности, подчеркивает, что «культура как сложное целое состоит из пластов разной скорости развития... Взрывы в одних пластах могут сочетаться с постепенным развитием в других. Это, однако, не исключает взаимодействия этих пластов» (Лотман, 2000: 21).

Чтобы проследить трансформации образной системы традиционного типа с течением времени и определить символическую сущность корейской традиционной образности, мы разработали динамическую модель развития корейской культуры, обратившись к типологии культуры А.Я. Флиера. Рассматривая культуру с одной стороны как мировоззренческую систему, упорядочивающую коллективную жизнь людей и их социальное поведение, а с другой – как образно-символическую систему, являющуюся продуктом символической деятельности людей и выступающую в роли регулятора их социального поведения (Флиер, 2014), А.Я. Флиер предлагает разделить исторические культуры на типы по таким основаниям, как особенности отношения к истине, оппозиции добра и зла, предпочитаемые модели социального устройства, методы обобщения и упорядочения представлений о мире и т. д. (Флиер, 2017: 32). Таким образом, согласно А.Я. Флиеру, можно выделить четыре основных типа культуры: доклассическую (народная традиционная культура, для которой характерно мифоритуальное мировоззрение), классическую (к характерным чертам можно отнести идеологичность, обусловленность религиозной или политической идеологией), неклассику и постнеклассику (наука и философия выступают в качестве мировоззренческого основания, однако, в отличие от неклассической культуры, которая провозглашает контекстуальную зависимость любой истины, постнеклассическая не признает истину как научную категорию вообще).

В истории развития корейской культуры на основании изменений ее мировоззренческих оснований можно выделить четыре этапа:

1. Доклассический этап (примерно до IV в. н. э.) представляет собой синтез различных раннерелигиозных представлений корейцев в рамках народной культуры (анимизм, шаманизм, тотемизм, демонизм и т. д.), который нашел отражение в мифопоэтической модели мира, а также в ритуале, направленном на то, чтобы через поэтическое слово поддерживать гармонию космоса и благоденствие людей (Никитина, 1982: 51). Специфику комплекса традиционных корейских верований также определило пограничное положение Кореи и ее роль медиатора, обеспечивающего культурный обмен между островными культурами Тихого океана и континентальной Восточной Азией (Концевич, 2019: 178). К основным чертам доклассического этапа также можно отнести такие характеристики как синкретичность, богатая традиционная обрядность и ритуальность, прецедентность социального поведения.

2. Выделение второго, классического этапа (примерные рамки: IV в. – конец XIX в.) связано не столько с изменением, сколько с расширением мировоззренческих оснований корейской культуры. Кроме того, данный этап можно разделить на два периода, первый из которых характеризуется, прежде всего, нарастающим влиянием буддизма, который выступил в качестве консолидирующей силы и даже получил статус государственной религии. К характерным особенностям данного этапа можно отнести синкретизм традиционных анимистических верований и буддизма, формирование элитарной культуры, укрепление централизованной власти и формирование государственности. Основанием для выделения второго периода в рамках классического этапа корейской культуры мы считаем появление запроса на новую государственную идеологию в связи со сменой правящей династии в конце XIV в. и адаптацию к этим целям неоконфуцианского учения. Таким образом, распространение неоконфуцианства, как и распространение буддизма, проходило в рамках, в первую очередь, элитарной культуры. Неоконфуцианское учение при этом также было призвано выполнять консолидирующую функцию. Под влиянием неоконфуцианства как морально-этического учения сформировалась национальная идеология и национальная культура, развивается тенденция к секуляризации сознания.

3. О завершении предыдущего этапа и переходе к неклассическому этапу (примерно конец XIX в. – начало XX в.) в истории корейской культуры можно говорить в связи с нарастающим вниманием к Корейскому полуострову как к центру геополитических интересов со стороны западных государств, а также соседних Китая и Японии. На этом этапе Корея приобщается к мировому философскому и культурному наследию посредством японской медиации в годы японского колониального правления (1910–1945 гг.), формируется массовая национальная культура, роль элиты берет на себя интеллигенция, усиливается секуляризация сознания. Наблюдается расцвет идеологии (с одной стороны – гуманистические идеалы христианского мира, с другой – идеи социализма) на фоне разделения страны на два государства с разным политическим устройством.

4. Дату окончания Корейской войны (1953 г.), когда граница двух новых корейских государств – КНДР и РК окончательно закрепилась в районе 38-й параллели, можно условно принять за рубеж перехода южнокорейской культуры к постнеклассическому типу (середина XX в. до наших дней). На постнеклассическом этапе Республика Корея не только вступает в мировое культурное пространство, но и активно включает в глобализированные социально-политические процессы, а также начинает оказывать ответное влияние на мировые культурные процессы в рамках массовой культуры, активно транслируя свои ценностно-мировоззренческие установки¹.

Разумеется, временные рамки, приведенные для отдельных этапов данной динамической модели, даны для удобства и их следует воспринимать условно, поскольку сложный комплекс культурно-социальных процессов нельзя однозначно разграничить в исторической перспективе.

Как мы видим, мировоззренческие основания корейской культуры представляют собой результат напластования ее разновременных слоев, а в динамике корейской культуры можно отчетливо проследить два основных вектора:

1) движение от сакрального к профанному (от анимистических верований и мифопоэтической системы представлений о мире – через религиозно-философские учения – к идеологии);

2) от культурных заимствований, органично вплетаемых в картину мира, – к культурной экспансии или усилению обратного влияния на мировую культуру.

При этом важно отметить, что распространение дальневосточных религиозных верований, а также философских и этических учений, составивших основу мировоззренческих оснований корейской культуры, проходило в основном мирным путем – через встраивание новых форм в уже существующие, через поиск общих оснований.

Анализируя основные этапы развития корейской культуры, можно проследить процесс трансформации традиционной образной системы в Корею. Богатая образная система, сформировавшаяся на основе комплекса раннерелигиозных представлений корейцев под влиянием китайской культуры (в том числе, конфуцианства и даосизма), была заимствована буддийскими миссионерами, которые, адаптируя тексты местных преданий, легенд и шаманских песен, использовали их, чтобы транслировать основы буддийской онтологии и философии в народные массы. Затем синкретичная буддийско-анимистическая образность подверглась влиянию неоконфуцианской идеологии (Дудинова, 2020: 240). В конце XIX в. при определении вектора дальнейшего развития культуры в Корею в качестве ориентира были выбраны идеалы западного мира и «опыт Японии в их усвоении» (Солдатова, 2004: 26). На изменение культурной парадигмы большое влияние оказали не только идеи христианского гуманизма, но и социалистические идеалы. Традиционная образность, адаптируясь к запросу современности, также претерпела значительные изменения, особенно в сфере художественного творчества, что проявилось в отказе от строгого канона и усилении роли автора-творца, что не могло не способствовать проявлению авторской семантической. Адаптационный потенциал традиционной образности позволил ей не только встроиться в современный контекст, но и выступить в качестве инструмента трансляции ценностно-смыслового содержания южнокорейской культуры в современном глобализированном культурном пространстве. В рамках же северокорейской культуры традиционная образность также успешно трансформировалась под влиянием идеологии и адаптировалась под ее нужды (Похолкова, 2014).

Как мы видим, кумулятивность традиционной корейской культуры оказала непосредственное влияние на структурную специфику традиционной корейской образности. Напластование значений, пришедших из разных религиозных, философских и морально-этических учений, обусловило синтетический характер традиционной корейской образности, а также ее структуру, которая не предполагает наличия центрального значения – все значения в структуре корейского традиционного образа являются равноценными и воспринимаются симультанно носителями

¹ Beyond Security: South Korea's Soft Power and the Future of the U.S.-ROK Alliance in a Post-Pandemic World [Электронный ресурс] // CSIS. URL: <https://www.csis.org/analysis/beyond-security-south-koreas-soft-power-and-future-us-rok-alliance-post-pandemic-world> (дата обращения: 23.03.2022).

культурной традиции, что значительно затрудняет интерпретацию текстов культуры с традиционным компонентом для реципиентов, принадлежащих к принципиально иной культурной традиции. Из этого следует, что при изучении традиционной корейской образности необходимо, с одной стороны, диахронически подходить к вопросу смыслообразования, то есть, рассматривать структуру такой образности в тесной связи с культурной динамикой, с другой стороны, симультанно – к восприятию смыслов, когда речь идет об анализе конкретных произведений.

Кроме того, полисемантическая корейская традиционная образность обусловила и ее дуальную религиозно-художественную сущность (традиционность, постоянность, бессознательную природу – с одной стороны, а с другой – эстетическую ценность и способность отражать творческие интенции автора-творца), позволяя выступать как в качестве сакральной символики, так и в качестве средства художественной выразительности в различных светских произведениях культуры.

Рассмотрим распространенный образ «гора». Согласно традиционным представлениям корейцев, гора – это сакральное пограничное пространство между небесным и земным миром, отделяющее мирскую суету от вечности. Кроме того, гора может рассматриваться в качестве вертикали, организующей мир, и выступать в роли связующего звена между пространственным «верхом» и «низом» (Никитина, 1994: 113).

Архетипичность этого образа коррелирует и с буддийским представлением о горе как о центре вселенной, мировой оси (гора Меру), вокруг которой надстраиваются миры. Кроме того, образ горы неразрывно связан с монашеством и отшельничеством. Любопытно отметить, что уход в горы может ассоциироваться не только с буддийской традицией и рассматриваться, соответственно, как религиозный опыт, духовная практика, но и с конфуцианскими этическими принципами. В этом случае уход в горы можно интерпретировать уже как форму социального протеста и отражение идеологических установок конфуцианца (например, несогласие с проводимой в государстве политикой или даже проявление безоговорочной верности своему государю и отказ служить другому господину).

Все эти смыслы накладываются друг на друга, то или иное значение ярче проступает в определенном контексте (как отмечает Л. Витгенштейн: «Чтобы опознать символ по его знаку, мы должны обращать внимание на его осмысленное употребление» (Витгенштейн, 2018: 30)), но зачастую все они воспринимаются симультанно, в совокупности, поскольку между ними отсутствуют внутренние противоречия. С.О. Курбанов и С.В. Волков в своих исследованиях подчеркивают, что буддизм и конфуцианство нельзя воспринимать как «конкурирующие» учения в рамках корейской культуры, поскольку буддизм как религия в первую очередь отвечал за духовную сферу жизни людей, в центре внимания находится человек и его духовный опыт, в то время как конфуцианство в качестве идеологического учения основной целью имеет регламентирование жизни общества в целом, обеспечение морально-этической основы социального взаимодействия людей (Курбанов, 2009: 190; Волков, 1985: 84).

Вместе с тем, как мы уже упоминали выше, на неклассическом (и постнеклассическом для южнокорейской культуры) этапе, под влиянием западной философии и художественной парадигмы традиционная образность, обладающая основными характеристиками как художественной, так и религиозной образности, стала инструментом проявления авторской семантической. Вытеснение религии из общественного пространства и, как следствие, секуляризация сознания открыли возможности для свободного мифотворчества, отдельные авторы и целые социальные группы получили возможность активно включиться в работу по конструированию новых культурных смыслов (Рязанова, 2015: 207).

Так, образ «горы» можно рассматривать как часть авторского символика южнокорейского поэта Ко Ына [고은]. Вместе с образом «снег» [눈] «гора» становится средством выражения индивидуально-авторских значений, неразрывно связанных с личными переживаниями поэта и его размышлениями на тему смерти, где «гора» интерпретируется как рубеж, порог смерти в контексте «западного» отношения к смерти и ее восприятия (например, в таких произведениях как «Глядя смерти в лицо» [«죽음을 보며»], «Заснеженный путь» [«눈길»], «Придя в деревню Муни» [«문의 마을에 가서»] и т. д.). Традиционный образ наделяется авторским содержанием и эмоциональной окраской, но при этом сохраняет свое «классическое» смысловое наполнение.

Хотя при анализе отдельных текстов культуры уместно говорить отдельно о буддийской, конфуцианской, даосской и т. д. образности, в целом попытка систематизировать или однозначно атрибутировать полисемантическую традиционную образность по признаку принадлежности к тому или иному религиозному или философскому учению представляется не совсем целесообразной. Традиционный образ представляет собой единый конструкт, пластичность и вариативность которого позволяют ему легко наращивать дополнительные смыслы и адаптироваться под влиянием изменяющейся парадигмы, встраиваться в новый контекст. Сущность этого конструкта определяется не тем, из каких отдельных элементов, находящихся в онтологическом равенстве, состоит

его структура, а тем, каким образом и в какие отношения вступают эти элементы, что является результатом их взаимодействия. Попытка деконструкции уничтожит эти связи, строящиеся на принципе множественности, а, следовательно, и саму систему (Делез, 2010: 12–16). Именно поэтому, несмотря на то что традиционные образные системы в культурах Дальнего Востока формировались под влиянием одних и тех же религиозных и морально-этических учений, все они обладают своей уникальной спецификой, обусловленной, в том числе, ценностно-смысловым содержанием каждой культуры.

Таким образом, полисемантическая традиционная корейская образность, а также ее художественно-религиозная сущность, обусловленные спецификой культурной динамики, не только обеспечивают традиционным образам ресурс встраивания в современность и возможность постоянно актуализировать наборы смысловых значений, но и делают тексты культуры, содержащие в себе традиционный компонент, более доступными для реципиента, принадлежащего к иной культурной традиции.

Список источников:

- Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат. М., 2018. 160 с.
- Волков С.В. Ранняя история буддизма в Корее (сангха и государство). М., 1985. 152 с.
- Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург; М., 2010. 895 с.
- Дудинова А.А. О двойственной природе корейской традиционной образности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 8 (838). С. 236–244.
- Концевич Л. Р. Корейская мифология // Там, где цветет мугунхва и распускается сакура. Слово об ученом. Казань, 2019. С. 178–200.
- Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб., 2009. 680 с.
- Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. 479 с.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 12–148.
- Никитина М.И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982. 326 с.
- Никитина М.И. Корейская поэзия XVI–XIX вв. в жанре сиджо: (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время). СПб., 1994. 312 с.
- Похолкова Е.А. Анализ северокорейских молодежных патриотических песен: традиции и современность // Доклады XVIII науч. конф-и корееведов. М., 2014. С. 110–118.
- Рязанова С.В. Религиозные образы и идеи и их превращения в русской литературе // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2015. Т. 2. № 4. С. 202–211.
- Солдатова М.В. Становление национальной прозы в Корее в первой четверти XX века. Владивосток, 2004. 188 с.
- Флиер А.Я. Развитие социально-регулятивных функций культуры // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2014. № 3. С. 3.
- Флиер А.Я. Классическая, неклассическая и постнеклассическая культуры: опыт новой типологии // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 3. С. 25–33. <https://doi.org/10.17805/ggz.2017.3.3>.
- Eco U. A Theory of semiotics. Bloomington, 1976. 354 p.

References:

- Deleuze, G. (2010) A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel'. (In Russian)
- Dudinova, A.A. (2020) On the duality of traditional Korean images. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. (8). 236–244. (In Russian)
- Eco, U. (1976) A Theory of semiotics. Bloomington: Indiana University Press.
- Flier, A.Ya. (2014) The development of the socio-regulative functions of culture. *Knowledge. Understanding. Skill*. (3). 3. (In Russian)
- Flier, A.Ya. (2017) Classical, nonclassical and post-nonclassical culture: an attempt of a new typology. *The horizons of humanities knowledge*. (3). 25–33. Available from: <https://doi.org/10.17805/ggz.2017.3.3>. (In Russian)
- Koncevich, L.R. (2019) Korejskaja mifologija [Korean mythology]. In: Tam, gde cvetet mugunhva i raspuskajetsja sakura. Slovo ob uchenom [Where mugunghwa blooms and sakura blossoms]. Kazan: «Buk». P. 178–200. (In Russian)
- Kurbanov, S.O. (2009) Istorija Korei: s drevnosti do nachala XXI v. [History of Korea: from antiquity to the beginning of the 21st century]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. (In Russian)
- Lotman, J.M. (1992) Izbrannye stat'i: v 3 t. [Selected articles: in 3 volumes]. Tallin: Aleksandra. Vol. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury [Articles on semiotics and typology of culture]. (In Russian)
- Lotman, J.M. (2000) Kul'tura i vzryv [Culture and explosion]. In: Lotman, J.M. On the semiosphere. St. Petersburg: «Iksusstvo-SPb». P. 12–148. (In Russian)
- Nikitina, M.I. (1994) Koreiskaya poeziya XVI–XIX vv. v zhanre sidzho: (Semanticheskaya struktura zhanra. Obraz. Prostranstvo. Vrem'a) [Korean poetry of the 16th–19th centuries in the sijo genre: (The semantic structure of the genre. Image. Space. Time)]. St. Petersburg: «Peterburgskoe vostokovedenie». (In Russian)
- Nikitina, M.I. (1982) Drevnjaja korejskaja poezija v svjazi s ritualom i mifom [Ancient Korean Poetry in Connection with Ritual and Myth]. Moscow: Izdatel'stvo Nauka. (In Russian)
- Pokholkova, E.A. (2014) Analysis of North Korean patriotic songs for youth: traditions and modernity. In: Russia and Korea in the changing world. Moscow: RAN, In-t Dal'nego Vostoka. P. 110–118. (In Russian)
- Ryazanova, S.V. (2015) Religious images and ideas and their transformations in Russian literature. *Pushkin Leningrad state university journal*. (2: 4). 202–211. (In Russian)
- Soldatova, M.V. (2004) Stanovlenie nacional'noj prozy v Koree v pervoj chetverti XX veka [Formation of national prose in Korea in the first quarter of the twentieth century]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta. (In Russian)
- Volkov, S.V. (1985) Rannjaja istorija buddizma v Koree (sangha i gosudarstvo) [Early History of Buddhism in Korea (Sangha and State)]. Moscow: GRVL. (In Russian)
- Wittgenstein, L. (2018) Tractatus Logico-Philosophicus. Moscow: Izdatel'stvo AST. (In Russian)

Информация об авторе

А.А. Дудинова – старший преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=904229.

Information about the author

A.A. Dudinova – Senior Teacher of Eastern languages department, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=904229.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.02.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 22.03.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 12.04.2022.